

Сказка про Лёшику

Олег Юрьевич Рой
Сказка про Лёшика
Серия «Приключения Лёшика», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9543199
Сказка про Лёшика /Олег Рой: Авторское; Москва; 2015

Аннотация

Жил-был человечек – такой маленький, что мог запросто спрятаться под кленовым листом. Звали этого малыша Лёшиком. Но самое примечательное в нём не его рост и даже не способность колдовать, а умение дружить. Именно дружба позволяет творить настоящие чудеса. Узнав, что хорошей девочке Стасе угрожает ужасная опасность, Лёшик и его друзья немедленно бросились на помощь. Вот только справятся ли они с коварной ведьмой Жиролой?..

Содержание

Глава первая,	4
Глава вторая,	12
Глава третья,	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Олег Рой

Сказка про Лёшика

Моему сыну Женечке

Глава первая, в которой маленький человечек выбирал себе большой дом

Ты тоже слышишь, как падают книги по ночам? Ты, верно, думаешь, что это привидение развлекается от безделья? Или, может, книги оживают и пытаются куда-то убежать? А вот и нет, это же Лёшик зашёл к тебе в гости. Как, ты не знаешь, кто такой Лёшик? Тогда садись поудобнее и слушай, я расскажу тебе удивительную сказку.

Жил да был... хотя я думаю, что и сейчас живёт, маленький-маленький человечек. Маленький не по годам, а по росту: чуть больше взрослой мышки. Когда на улице шёл дождь, он мог без всякого труда спрятаться под листочком клёна, а когда светило солнце, легко укрывался от его палящих лучей под кружевным зонтиком василька или ромашки. У человечка были большие круглые небесно-голубые глаза, всегда изумлённо и радостно смотревшие на мир. Носил малыш изумрудно-зелёный бархатный костюмчик и коричневые кожаные ботиночки – такие мягкие, что, когда он ступал по полу, шагов его не было слышно.

Звали человечка Лёшиком. А друзья, которых у него имелось великое множество, чаще всего называли его Лёшиковым – так им казалось смешнее и правильнее. Только среди людей друзей до поры до времени у Лёшикова не было – он боялся больших людей, да и думал, что они вряд ли захотят водиться с таким малышом, как он. Зато с птичками, жучками, мышками, котятами человечек готов был играть всё свободное время, животные любили его и старались никогда не огорчать.

Поздно вечером, когда люди расходились по своим спальням, Лёшик выбирался из собственного домика и отправлялся в своё ежедневное – нет, лучше сказать ежевечернее – путешествие.

Тебе, наверное, интересно, где же может обитать такой крошечный человечек? Ни за что не угадаешь! Потому что это не домик и не палатка, а самое, что ни на есть обычное дерево.

Большой дуб, в дупле которого жил Лёшиков, стоял посреди красивого парка, одного из тех, в которых ты наверняка был. Вокруг дерева росла зелёная сочная трава, невдалеке поднимали свои головки к солнцу цветы самых разных оттенков, трудолюбивые пчёлы кружились над ними, собирая нектар, а птицы щебетали так звонко, что хотелось их слушать и слушать. Именно в таком месте и построил себе дом наш Лёшик.

Он и сам не помнил, как забрёл в парк и почему решил поселиться именно здесь. Странно, но до определённого момента своей жизни человечек совсем ничего не помнил. Это очень огорчало его, и часто, особенно в сырую дождливую погоду, на него нападала такая хандра, что хотелось плакать. Только он не плакал, а изо всех сил старался вспомнить хоть что-нибудь, хоть кого-нибудь. Ну, например, своих родителей. Были ли они вообще? Может, он вырос из цветка, как Дюймовочка? Или был самым обычным ребёнком, но за двойки в школе уменьшился до небывалых размеров? Но почему тогда только он один? Неужели во всём городе не найдётся ещё одного двоюродника? А ведь Лёшик каждый вечер выбирался из дупла и тщательно обшаривал каждый сантиметр парка, улиц города и даже

проникал в дома, но ни разу не встретил никого столь же крохотного, как он сам. Да и, честно говоря, не могли его уменьшить за двойки, Лёшик всегда стремился к знаниям.

А ещё у нашего героя на шее висел забавный крохотный камушек. Люди называют такие штуки амулетами и говорят, что они на счастье, а вот сам Лёшик даже и не знал, есть ли оно, это счастье? Часто, сидя в полном одиночестве, он разглядывал сиреневый камушек со странным рисунком, напоминающим жука, и пытался найти ответы на свои вопросы. Но, увы, ответа он так и не находил, а рисунок на амулете молчал, как молчат все рисунки на свете...

Однажды человечку привиделся странный сон. Старый дом, весь заросший паутиной, скрипучая длинная лестница с перилами, похожими на застывших змей, комната, куда не проникал ни единый лучик света из плотно зашторенного окна... В этом доме Лёшиков чувствовал себя особенно маленьким, слабым и незащищённым. Человечек стоял в комнате, не понимая, как там оказался, и вслушивался в тревожную тишину. И вдруг... Вдруг в глубине дома послышался шорох, зазвучали тяжёлые шаги, а хриплый женский голос, показавшийся Лёшику смутно знакомым, забормотал что-то неразборчивое.

Звук шагов приближался, и человечек заметался по комнате, не зная, куда спрятаться. «Ведьма! – почему-то подумал он. – Если она найдёт меня, я пропал!»

Бормотание слышалось теперь совсем близко, и Лёшиков понял, что ведьма уже за дверью. Сердце отчаянно стучало в груди... и он проснулся. К счастью, в своём уютном домике.

Сон оказался всего лишь обычным кошмаром. Тебе, наверное, тоже иногда снятся страшные сны, которые развеиваются под утро, словно туман. Но Лёшик отчего-то чувствовал, что его сон вовсе неспроста, и запомнил его, хотя и не мог пока истолковать.

Так и жил человечек, не находя ответов на свои вопросы. Питался Лёшик ягодами и кусочками сушёных грибов. Рано утром, едва только начинало всходить солнце, малыш собирал с листочков деревьев и травинок сочную росу и пил её. День он проводил, читая газеты и журналы, которые люди оставляли в парке, общался с друзьями и немного отдыхал. А с наступлением сумерек, едва только город погружался в тишину, наш маленький человечек снова бродил по улицам и искал, искал чего-то.

В большом парке, помимо Лёшика, было множество маленьких жильцов. Ну, например, воронья семья, которая поселилась тут же, на кроне раскидистого дуба, или жук Бажажук, сердитый и ворчливый, но с очень добрым сердцем. А в прошлом году красивые божьи коровки обитали как раз у входа в дупло! Правда, потом они полетели познавать другие места, и без них в парке стало чуточку скучнее. Зато на соседнем дубе с утра до ночи трудились вот уже несколько лет подряд, не покладая лапок, рыжие белки. Именно у них Лёшиков научился мастерству засушки грибов и сбора ягод. Добрые люди подкармливали белок орешками и семечками, и те, в свою очередь, угощали Лёшика.

Со всеми зверями человечек был в прекрасных отношениях: белкам помогал в работе, сидел с птенцами ворон, пока взрослые птицы летали за провизией, заслушивался пением синиц, обожал рассказы сорок-путешественниц, а с жуком Бажажуком совершал интересные путешествия по парку, и они вместе собирали вкусный цветочный нектар, разговаривали с растениями и наблюдали за трудолюбивыми муравьями. Всё было хорошо, но Лёшика отчего-то тянуло к людям.

Днём, когда парк был полон людей, малыш выглядывал из дупла, чтобы посмотреть на них. Они были очень разными: молодые и старые, добрые и сердитые, вежливые и не очень. Кто-то оставлял мусор на лавочках, а кто-то заботливо относил его в урны, кто-то рвал цветы и стрелял в ворон из рогатки, а кто-то кормил белок и птиц. Каждый раз, когда тёмная тучка прохладным дождём поливала растения парка и уплывала дальше, Лёшик выбирался из дупла, подходил к луже и разглядывал своё отражение. Он был очень мал, но рост – это

единственное, что отличало его от людей. А так всё то же самое: и два глаза, и нос, и рот, и два уха, и даже волосы, светлые кучерявые. Лёшиков часто видел больших людей с похожей внешностью. Но только они большие, а он почему-то маленький...

Так бы и жил наш Лёшик, присматриваясь к людям и себе, общаясь со зверями и насекомыми, если бы не случилось нечто страшное – парк закрыли, обнесли забором и повесили табличку, на которой крупными буквами было написано: «Строительство многоэтажного здания».

Это значило, что парк уничтожат, и всем его обитателям придётся подыскивать новые жилища. Первой встрепелась ворона Клара, заботливая мать двоих птенцов – Карлуши и Микеша. Сунув птенцам по червяку, она громко прокричала:

– Кар-кар! Караул! Что теперь будет с нами? А куда меня, многодетную мать, отправят?

– Боюсь, никуда, – огорчённо проговорил человечек. – Думаю, тебе надо самой подумать о новом жилище.

– А как же, как же, кар, я перенесу деток? Они ведь ещё не оперились! – всплеснула крыльями ворона.

– Мама, кар-кар, я уже умею летать, – прокричал из гнезда Микеша, вылупившийся на полдня раньше Карлуши, и взмахнул крыльями.

– Что ты, что ты, сиди в гнезде! – просвистела Муня, самая старшая из синиц. – Ишь какой пряткий! Не успел вылупиться, уже летать! Раньше, в наши времена, помню...

– Меня бы кто-нибудь спросил, – проворчал жук Бажажук, – я вообще не один десяток лет живу и всё здесь знаю...

– Друзья, я прошу вас думать о главном! – взмолился Лёшик. – Понимаете, скоро мы останемся без крова...

Не успел он проговорить это, как ворота открылись, и на территорию стали одна за другой заезжать огромные строительные машины. Раздался грохот, шум, в парк вошли какие-то люди. Среди зверей и птиц началась самая настоящая паника. Белки заметались туда-сюда, жуки быстро зарылись в землю, птицы заволновались, Клара закричала на всю округу:

– Кар-кар-караул!

– Мама! Мама! – галдели из гнезда Карлуша и Микеша.

– Успокойтесь, мы что-нибудь придумаем! – кричал им Лёшик, но его никто уже не слушал.

Огромная машина с большим ковшом впереди подъехала к самому дубу, и ворона, крича от ужаса, слетела с ветки. Следом за ней, лихорадочно трепеща слабыми крыльшками, вылетел Микеша. Из машины вышли большие люди и обмотали дерево верёвкой, затем снова сели в автомобиль и стали потихоньку отъезжать назад. Клара с Микешей только успокоились и хотели было сесть обратно на дуб, как дерево затряслось.

– Кар! Кар! Караул! Нам конец! – испугалась птица и снова взмахнула в небо.

– А ну, пошла вон! – крикнул один из людей и бросил в Клару камнем.

Ворона, немного покружив над деревом, с диким криком полетела прочь от парка. За нею, пища на лету, понёсся Микеша, а вот Карлуша так и осталась в гнезде.

– Мама! Я не смогу улететь! Мама! – кричала она, но Клара её не слышала, рёв машины и треск дерева заглушали всё в округе.

Лёшик понял, что сейчас случится самое страшное – дуб выкорчуют, и маленькая Карлуша окажется на земле, придавленная огромным стволом. Нужно было срочно спасти птенца. Вот только сделать это не так-то просто – Карлуша находилась на самой кроне дуба, а он, Лёшик, гораздо ниже. К тому же и ветки вверху более гладкие, без сучков, не каждый сможет по ним пройти. Но медлить было нельзя: машина сантиметр за сантиметром отъезжала назад, пытаясь свалить старое дерево. Ещё немного – и дуб поддастся.

Лёшик, разогнавшись, подпрыгнул, ухватился за ветку и вскарабкался на неё. Снова разогнался, чтобы зацепиться за ещё более высокую ветку. Так он проделал на одном дыхании пять или шесть раз и, наконец, очутился около воронёнка.

– Кар-кар, караул! – пищал птенец, прямо как мать-ворона, только намного визгливее. – Мама! Где моя мама?

– Успокойся, успокойся, пожалуйста, – попросил Карлушу человек. – Твоя мама обязательно найдётся, а пока давай-ка побыстрее удирать отсюда.

В это время машина хорошенько дёрнула дуб, и он покачнулся уже гораздо сильнее. Лёшик понял – ещё чуть-чуть, и дерево рухнет. Он схватил воронёнка и еле удержал на весу – птенец был почти с него самого, к тому же очень тяжёлый. «С такой ношей вряд ли получится прыгать с ветки на ветку», – подумал человек и огляделся. Он находился так высоко, что даже голова кружилась. Внизу люди и эта ужасная машина, все птицы разлетелись. «Если свалиться отсюда, то мало не покажется. Что же делать?»

– Как, кар-кар, как мы отсюда выберемся? – словно прочитала его мысли Карлуша.

– Я не знаю, – прошептал в ответ Лёшик и побледнел от ужаса, потому что машина дёрнула дуб ещё сильнее, и он накренился.

– Залезайте ко мне на спину. Только поскорее! – прощёлкал кто-то совсем рядом. Лёшик обернулся и увидел белочку. – Ну, чего замерли? Дерево сейчас упадёт, быстрее, прошу вас! – воскликнула она и, сорвав несколько желудей, засунула их себе за щёчку.

Не заставляя больше ждать, Лёшик и Карлуша моментально оказались на спинке юркого животного. Белка прыгнула с ветки на ветку, затем скользнула по гладкому стволу дуба, и в миг, когда бедное дерево не выдержало очередного рывка и рухнуло, наши герои вместе со своей спасительницей были уже на земле. Белочка отбежала ещё немного и уже на самом краю парка остановилась.

– Дальше идите сами, – сказала она.

– А ты? – удивился Лёшик. – Разве ты и твоя семья не станете покидать старый парк? Ведь скоро здесь начнётся самая настоящая стройка, растительности станет мало, а ягод и грибов и подавно.

– Да-да, я знаю, – сказала белка. – Но нас вряд ли оставят люди. Скорее всего, за нами кто-нибудь придёт и перевезёт в другой парк. Ты же помнишь, нас всегда любили и подкармливали... А вот вам лучше бежать, пока вас не обнаружили. Вороны у нас не в почёте, а таких людей, как ты, Лёшиков, я ещё не встречала...

Попрощавшись с белкой, человек схватил Карлушу на руки и помчался дальше. Ему было не очень-то удобно бежать с такой ношей на руках. Было светло, и люди могли их заметить. Хорошо ещё, что за забором, который они легко преодолели через дырку, начиналась небольшая роща. Человек прошел не так много и как раз стал думать о том, что ему теперь делать с птенцом, ведь для того, чтобы растить воронёнка, требовались определённые навыки. Например, доставать для него червяков, а Лёшик даже понятия не имел, как это делать, к тому же обижать невинных червей ему совсем не хотелось. А между тем Карлуша вдруг загалдела:

– Кар-кар-караул! У меня животик свело! Я хочу кушать! Где моя мама?

«Что же теперь делать?» – испугался человек и вдруг услышал где-то совсем недалеко:

– Кар-кар! Неправильно! Слушайте, ребята, меня, а не смотрите по сторонам! Итак, рифма... Рифма, это когда слова складываются в созвучия. Ну, например, кар – удар! Или кар – навар! Кто еще может привести пример?

– Кар – жар! – пропищал какой-то птенец.

– Кар – червяк, – ответил ещё один голосок.

Лёшик закинул голову и, оглядев деревья в поисках кричащих птиц, без труда их нашёл. Совсем рядом, в нескольких метрах от земли, усевшись на большую ветку, птенцы каркали наперебой и поглядывали на большую чернокрылую ворону.

– Силик, ну какой червяк, о чём ты говоришь? Сколько можно объяснять, что рифма – это созвучие! – недовольно пожурила учительница одного из птенцов. – Здесь уроки словесности, а не школа терпения. И кар-червяк – совершенно не сочетаются!

– Зато как вкусно, – ответил птенец.

Ворона хотела ответить этому бездарному ученику что-то ещё, но тут её перебил Лёшик, который подошёл к дереву уже совсем близко, бережно положил Карлушу на землю и, закинув голову, прокричал:

– Извините меня, уважаемая птица! Впервые вижу такую умную ворону!

От такого комплимента ворона расцвела, немного потупила взгляд и, слетев на ветку пониже, внимательно оглядела человечка.

– Спасибо, любезнейший, – пробормотала она, – но, признаться, я впервые вижу столь странное существо, как ты. Разреши поинтересоваться, из какого ты рода? Зверь или птица?

– Честно говоря, я не очень уверен, но, кажется, человек, – ответил ей Лёшик.

– Очень любопытно, – прокричала птица и, слетев на землю, принялась расхаживать вокруг Лёшикова. Затем, вскинув голову, она прокричала птенцам: – Ну-ка, милые мои, придумайте-ка по рифме про это загадочное существо.

– С удовольствием, – тут же ответил один. – Бескрылый, но милый!

– Bravo, bravo, – захлопала крыльями ворона. – Кто ещё?

– Двухногий и строгий, – прокричал другой птенец.

– Маленький и без червяка, – прокаркал тот же неудачливый ученик, который совсем недавно разозлил ворону.

– Отличный, симпатичный! – не удержалась Карлуша, прячущаяся за спиной у Лёшика.

– Кто это? – удивилась большая ворона и попыталась заглянуть за спину человечка.

– Я... Я как раз хотел вам сказать, – покраснел Лёшик, не давая вороне взглянуть на Карлушу. – У вас такие чудные ученики, и вы так хорошо их обучаете. Не могли бы вы взять на содержание вот этого птенца, – и он, наконец отодвинувшись, показал на Карлушу, которая сжалась в пушистый комочек и пугливо озиралась.

– Какой милый ребёнок! – всплеснула крыльями учительница. – Такой маленький, а уже чувствует рифму! И ведь он ещё не был на моем уроке! И глазищи, как у меня, красивые! А где же его родители?

– Увы, его маму прогнали люди из парка, и Карлуша – так зовут этого воронёнка – осталась совершенно одна... – ответил Лёшик.

– Так она ещё и сиротка! – изумилась ворона. – Бедняжка! Не волнуйтесь, я обязательно о ней позабочусь!

И ворона, совершенно позабыв о Лёшике, принялась обхаживать бедную сиротку, закармливая её червяками и закидывая вопросами.

«Теперь ты в надёжных руках, вернее, крыльях, – подумал Лёшик, глядя на воронёнка, – а мне предстоит ещё найти себе дом». И человечек незаметно проскользнул за куст дикой смородины, а оттуда – на большую улицу, туда, где жили люди. Он решил, что, раз уж пришлось искать новое жилище, почему бы не попробовать устроиться рядом с людьми, существами, к которым он столько лет стремился.

К счастью, уже стало темнеть, и человечек смог бродить по улицам, не боясь попасться кому-нибудь на глаза. Он пытался подыскать себе новое жилище, но всё казалось ему не таким, как хотелось бы. То дом слишком мрачный, то грязный, то зелени вокруг здания почти нет, то во дворе такая злая собака, что даже страшно подумать, какие же там хозяева.

Наконец Лёшиков забрёл в район, где стояло несколько, милых уютных белоснежных домиков с зелёными газонами и красивыми садами. Во дворе одного из строений человек заметил водопадик и тут же подумал, как, наверное, здорово было бы прокатиться по нему на листочке. Эта идея так понравилась Лёшикову, что он тут же пробрался в дом – хорошо, дверь была не заперта. Внутри горел свет, слышался звон посуды и столовых приборов – хозяева ужинали.

– Внучок, подай мне, пожалуйста, соль, – услышал Лёшик скрипучий старческий голос.

– Вот ещё, – фыркнул в ответ мальчонка, – встань сама и возьми!

– Да я не могу встать, ты же знаешь, что у меня больные ноги, а сегодня я так набега-лась, игрушки за тобой убирала... – жаловалась бабушка.

– А что ты их убирала так поздно? Я ещё с утра раскидал, сделала бы пораньше, нашлось бы время отдохнуть! А я целый день с пацанами мяч гонял, я тоже устал... – возразил мальчик.

Слушая разговор больших людей, Лёшик так и застыл от удивления. Ему всегда казалось естественным, когда молодые помогают старым. «Неужели никто не вступится за бабушку?» – изумился он и тут же услышал мужской голос:

– Мама, вот тебе соль, а Вовочку нашего сильно не озадачивай! Он ещё маленький, ему отдыхать больше надо.

«Ну уж нет, – решил Лёшиков, – в таком доме я точно жить не хочу! И никакого водопада не надо, когда вокруг жестокие люди!»

И Лёшик выскочил из особняка, пока дверь не закрыли. Следующий дом, в который он забрался, был похож на первый. Внутри оказалось темно – скорее всего, хозяева уже спали. Заглянув на кухню, Лёшиков заметил на полу миску – в доме явно обитал кот.

«Надо быть поосторожнее», – подумал человек и пошёл дальше.

На втором этаже располагалось несколько комнат. Из-под двери одной из них пробивался свет, тут, похоже, не спали. Лёшик подошёл поближе и прислушался.

– Так, сиди, не дёргайся! – шёпотом разговаривала с кем-то девочка. – Зубы я тебе почистила, сейчас хорошенько запеленаю и завяжу бантик. Муся, кому я сказала, не мяучь! Посмотри, какая ты красивая стала!

Тут же раздалось жалобное мяуканье кошки.

«Так эта девочка над животным издевается!» – догадался Лёшик и решил обязательно проучить мучительницу. Он пролез через щель под дверью в комнату и увидел девочку лет шести, которая теребила кошку, наряжая её то в одно, то в другое кукольное платье. Не придумав ничего лучше, человек надел кукольную шапку, так, что она закрывала его лицо, обернулся носовым платком и подбежал к жестокой хозяйшечке.

– А ну, отпусти Мусю! – грозно закричал Лёшиков. Он схватил в руку валявшийся на полу карандаш и, взмахнув им, словно волшебной палочкой, воскликнул: – А не то я превращу тебя в мышку!

Мучительница очень перепугалась и выронила кошку. Та мигом выскочила из кукольных одежд и помчалась вон из комнаты. За нею, не дав девочке опомниться, выбежал и Лёшик. Он помчался к лестнице и пробежал уже половину проёма, как вдруг перед ним оказалась та самая кошка.

– Спасибо тебе! Кто ты такой и что делаешь в нашем доме? – спросила она.

– Я – Лёшик, – представился человек. – Я искал себе дом и случайно забрёл к вам.

Кошка грустно покачала головой.

– Не советую тебе здесь жить. Моя хозяйка очень вредная и избалованная. Она замучила уже всех животных в доме, и если узнает о тебе, то обязательно превратит в свою новую забаву. Беги-ка лучше отсюда, пока она не принялась тебя искать.

Лёшик вышел из дома очень грустный. На улице уже светало, а он до сих пор не нашёл себе жилище.

«Придётся спать в траве или снова на дереве», – с сожалением подумал он. Честно говоря, это сильно расстроило Лёшикова – он так надеялся остановиться где-нибудь поближе к людям, узнать их быт, их привычки, что мысль о жизни в дикой природе совсем не радовала. Но делать было нечего – человек, позёвывая, растянулся на мягком мху под большим деревом и вскоре сладко заснул.

Его разбудили голоса – один принадлежал девочке, другой, как стало понятно из разговора, её бабушке.

– Куда ты вышла? – сокрушалась старушка. – Сидела бы в библиотеке, играла бы на пианино. Отдохнула бы! И стак устала, уроки всё утро делала.

– А зачем ты такие тяжёлые сумки таскаешь? – возражала девочка. – Давай хоть одну, донесу!

– Да куда тебе нести? – воскликнула женщина. – Как ты вообще из дома сама выбра- лась, ах, Стаська!

– Дошла же, и дальше дойду! – упрямылась девочка.

Этот разговор очень заинтересовал Лёшикова, и он выглянул из-за дерева, чтобы рас- смотреть бабушку и её внучку. Каково же было его удивление, когда он понял, что девочка слепая! Да-да, именно так, мой юный друг! Милая крошка с белокурыми волосами, одетая в красное в горошек платьице, стояла совсем близко. Девочка, которой на вид было около две- надцати лет, казалась очень красивой. Только в руках у неё была палка, на которую обычно опираются слепые люди, а на глазах солнцезащитные очки.

– Как же ты дойдёшь, помощница моя, если ты и дороги-то не видишь? Давай сюда руку, я помогу! И отдай мою сумку! – сказала старушка, подтвердив опасения Лёшикова.

– Бабушка, перестань! Я знаю, что смогу, ты просто иди рядом и отдыхай, хорошо? – ласково ответила девочка и, шупая палкой землю перед собой, двинулась вперёд. За нею, охая и ахая, пошла старушка.

«Интересно посмотреть, где они живут», – промелькнуло в голове у Лёшика, и он побе- жал за удаляющимися людьми. Их особняк был совсем близко – в нескольких шагах. Кра- сивый, двухэтажный, с большим зелёным садом и уютной беседкой.

Девочка поднялась на крыльцо дома, а бабушка поспешила открыть перед ней дверь. Пока хозяева входили, Лёшик успел проскочить внутрь и очутился в большой просторной прихожей с огромным зеркалом и цветами в высоких вазах. Бабушка с внучкой, громко обсуждая покупки, свернули налево, где располагались кухня и столовая. Лёшиков пошёл направо и попал в гостиную с камином, где уютно потрескивал огонь и витал смолистый аромат дров. Старинная мебель: столы с витыми ножками, тумбочки с замысловатой резь- бой на дверцах, удобные мягкие кресла, на окнах плотные кремовые шторы с кисточками – Лёшик трогал всё это и поражался великолепному вкусу хозяев. Наконец, он прошёл дальше и изумился так, как не удивлялся уже давно. Потому что перед ним оказалась огромная биб- лиотека – такая, что может впечатлить любого, даже тебя, мой юный друг! Только представь: все стены этой комнаты от пола до потолка были заняты книжными полками. У стены стояла приставная лестница, чтобы можно было достать книги, расположенные на верхних стелла- жах. Томов в комнате хранилось так много, что Лёшику показалось, будто все издания мира были собраны в этой библиотеке. Тут жили книги большие и маленькие, тонкие и толстые, с картинками и без картинок. Книги о приключениях, о морях и океанах, о музыке, о деревьях и цветах, о птицах и животных, о разных странах и городах... Лёшику понравилось в биб- лиотеке всё – и книжные полки, полные несметных сокровищ, и большое пианино рядом с дверью в сад, и сухой букет цветов, который стоял в вазе на столе. Лепестки сухих цветов с тихим шорохом падали на столешницу, создавая иллюзию осени на летних узорах скатерти.

В общем, Лёшиков решил поселиться в этом доме, посещать библиотеку как можно чаще и прочитать всё, что только сумеет. К тому же хозяева на первый взгляд были очень милыми и добрыми, а дом настолько уютным, что вряд ли можно найти что-то лучше.

Покинув библиотеку, человек продолжил своё путешествие по особняку и наткнулся на винтообразную лестницу с перилами. На втором этаже находились просторные спальни жильцов и комнаты для гостей. Ещё выше располагался чердак, куда складывали все ненужные вещи. Лёшик сначала подумывал поселиться на чердаке, но ветер дул так заунывно, что человек почувствовал тоску и страх. Поэтому он спустился в подвал и решил, что здесь всё же уютнее и теплее. Свернувшись калачиком возле тёплой трубы, Лёшик заснул, и ему приснился удивительный сон.

Глава вторая, про удивительный сон и приклеившегося по собственной глупости воришку

Дул тёплый летний ветер, шелестела листва, блестящая на солнце после вчерашнего дождя. Лёшик шёл по тенистой тропинке и изредка поглядывал ввысь, туда, где промеж огромных, просто гигантских для его роста деревьев виднелся кусочек синего неба.

– Посмотри, как красиво! – услышал он голос, совсем близко.

Это говорила девочка, очень знакомая девочка, но имени её Лёшик, как ни старался, вспомнить не мог. Он хотел обернуться, но девочка, словно прочитав его мысли, тут же проговорила:

– Не оборачивайся! Всё по-честному! Смотри на небо, любуйся и считай!

– До сколько? До сколько считать? – спросил её Лёшик.

– До ста, – важно ответила девочка и засмеялась. – А потом ищи меня!

Лёшиков снова поглядел ввысь – над ним мирно проплывали пушистые облака, солнце ласково припекало, и настроение было отличное.

«Как же её зовут?» – задумался он, но тут же вспомнил о затеянной игре.

– Один, два, три, четыре... – прикрыв рукой глаза, чтобы ненароком не подсмотреть, куда будет прятаться девочка, начал считать человек. Он слышал шуршание листвы, лёгкий топоток босых ног и звонкий смех. Один раз Лёшиков не выдержал и всё же обернулся. Среди густой зелени он только и успел разглядеть промелькнувшую босую ножку. Такую же маленькую, как и у него самого. Прядь золотистых волос зацепилась за ветку, но тут же исчезла в зарослях, а ещё сквозь листву Лёшик рассмотрел два больших красивых глаза. Кажется, голубых, а может, зелёных... Нет, точно голубых, как это синее бесконечное небо.

– Не подглядывай! – крикнула девочка. – И быстро отвернись! А то я так не играю!

– Хорошо, хорошо, извини, – Лёшик снова отвернулся и продолжил счёт: – Тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять...

Он считал и считал, ожидая, когда уже можно будет искать. Чтобы не потерять девочку, человек закрыл глаза и стал вслушиваться в окружающие звуки – в каждое шуршание листочка, в лёгкую музыку летнего ветра. Наконец счёт дошёл до ста, и Лёшик открыл глаза.

– Я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват! – прокричал он и вдруг замер от изумления: в нескольких шагах от него, на тенистой тропинке стояла огромная женщина с большим острым носом и торчащими из-за волос ушами. Она глядела на человека пристально и зло.

«Как я её не услышал? – промелькнуло в голове у Лёшикова. – Ведь вслушивался во все звуки...»

– Опять вы топчете траву? – прокричала женщина, глядя прямо в глаза Лёшику. – Я уже не раз говорила, что мне нужна особая трава для моих целебных настоев, а вы тут уже всё исходили своими маленькими противными ножками! Вот запру вас в клетку, будете знать! Или, ещё лучше, отдам моему псу на десерт!

– И-извините, мы больше не будем, – пролепетал Лёшиков и чуть не вскрикнул от испуга, потому что перед ним оказался ряд огромных острых клыков. Чёрный пёс клацнул зубами, выпустив струйку слюны, и, виляя хвостом, подбежал к своей злобной хозяйке.

– Умница, пёсик! – потрепала женщина собаку за ухо и, развернувшись, пошла прочь от Лёшикова.

Он смотрел ей вслед и всё пытался справиться со страхом, обуявшим его. Затем, когда звук её шагов затих, Лёшик снова обернулся к кустам.

– Ау! Ты где спряталась? Знаешь, я что-то совсем расхотел играть! Давай выходи! – прокричал он, но ответа не было. Даже листва, шелестевшая на ветру, и та примолкла. – Эй! Ты вообще тут? – снова позвал Лёшиков, но ему никто не ответил.

– Ну, хорошо. Я найду тебя один раз, ладно? И больше не будем! – сдался он и направился к кустам.

Человечек подбежал к тому самому месту, где промелькнула босая ножка, но там никого не оказалось. Он направился к зарослям дикой смородины, но опять тщетно. Сколько Лёшиков ни бегал и ни искал, он никого не видел. В конце концов, ему стало почему-то очень страшно – так, словно он потерял кого-то очень дорогого.

– Выходи же! Пожалуйста! Я сдаюсь! – прокричал он на весь сад. – Сдаюсь!

Лёшик проснулся от звука собственного голоса:

– Сдаюсь! Сдаюсь! – кричал он на весь подвал.

Человечек огляделся – он находился там, где, собственно, и засыпал, – около тёплой трубы. Никаких зарослей дикой смородины, девочки с золотыми волосами и тем более злобной женщины с огромным чёрным псом рядом не было.

– Фух! Это был сон! – прошептал Лёшик и тут же задумался: – Только вот девочка какая-то уж очень знакомая. И та, что с собакой, тоже...

Он попытался покопаться в недрах своей памяти, но ничего не мог вспомнить.

«Наверное, всё это глупости, – решил человечек, – если мне снились девочка и сад, значит, я сам их и выдумал. Конечно, тогда всё это должно быть мне знакомым».

Сделав такой вывод, он тут же забыл про свой странный сон и подошёл к маленькому пыльному окошечку, из которого можно было посмотреть, что творится около крыльца. За окном уже совсем стемнело: на чёрное небо выплыла круглолицая луна, во дворе, кроме одиноких фонарей, никого не было, и Лёшик решил, что сейчас самое время приводить в порядок своё жилище.

Первым делом он отправился в тот самый парк, откуда ушёл вчера. Дорогу человечек запомнил хорошо, и если не тратить время на разглядывание домов и окрестностей, то можно пройти достаточно быстро. Ещё и полночи не прошло, как Лёшик добрался до места. Вид старого парка привел его в ужас – от былой красоты не осталось ничего. По краям парка, наваленные друг на друга, лежали выкорчеванные деревья, вдоль забора стояли строительные машины. Не было слышно ни треска сверчков, ни шелеста листвы, ни стрекотания кузнечиков. Отыскав среди поваленных деревьев свой старый дуб, Лёшик взобрался на гладкий ствол в надежде обнаружить дупло, служившее ему жилищем. На счастье, оно находилось как раз на верхней стороне ствола. Войдя внутрь, человечек чуть не вскрикнул, потому что лоб в лоб столкнулся с кем-то.

– Ой! – прокричал этот кто-то. – Кому понадобилось среди ночи честных жуков пугать? А ну, покажись на свету, я тебя своими усиками пощекочу!

– Жук Бажажук! – обрадовался Лёшик. – А я уже думал, в парке никого не осталось! Как же я счастлив встретить тут хоть одну родную душу.

– А, это ты, Лёшиков? Ничего, что я у тебя тут хозяйничаю? – спросил жук и тут же, не дожидаясь ответа, заговорил, качая головой: – Видишь, какие времена, паренёк, настали... Всё ломают, крушат. Такое дерево было. Э-э-эх! Вчера вон приехали, белок всех в клетки запахнули и увезли... Сороки сказали, белки теперь в соседнем парке живут. Они вчера все туда полетели, эти, крылатые.

– А Клара? Клара не прилетала? – поинтересовался человечек.

– Да кто их знает! – махнул лапкой Бажажук. – Я думаешь, прислушиваюсь к этим воронам? Может, прилетала, а может, и нет.

– Что ж вы сами не уходите отсюда?

– А чего мне торопиться? Мне и тут неплохо. Мне что надо? Кусочек зелени да пару травинок на еду. Посмотрю, как дело будет. Может, ещё и в доме поселюсь. Ты чего сам-то вернулся?

– Я за своими вещами, – ответил Лёшик. – Да и вас проведать всех захотелось.

– Да уж, нынче время такое, никто стариков не проведывает, – вздохнул жук Бажажук. – вот, помнится, в наше время...

И он начал длинный тягучий рассказ о своей молодости, один из тех, которые Лёшиков слушал уже много раз...

Лёшк вернулся в дом уже незадолго до рассвета. Расстелил принесённый из дупла шарф на коробочке из-под конфет, которую нашёл тут же, в подвале. Получилась мягкая и удобная кровать с пушистой периной. «Неплохо было бы раздобыть ещё одеяло, – подумал Лёшиков, – но это позже, не сегодня. А сейчас – спать...»

Откусив кусочек сушёного гриба, человечек поставил коробочку с провизией в уголок, сладко зевнул и закрыл глаза, надеясь во сне снова увидеть чудесную девочку и наконец-то вспомнить, как её зовут. Но в этот раз ему приснился обычный ничем не примечательный сон про старый дуб и его жителей.

Проснувшись, Лёшиков принялся снова обустраивать своё жилище. Тихонечко, чтобы никто его не заметил, он вылез из подвала и прошёл в глубь сада. Первое, на что человечек обратил внимание, это то, что в доме живёт кот. Лёшик ещё не встречал его, но догадался о присутствии животного по миске с водой, стоящей возле крыльца, по мягкой подушечке у клумбы с цветами и по нескольким рыжеватым волосинкам, упавшим, судя по запаху, с кошачьей шерсти. Кот – это, конечно, неплохо, главное, чтобы он не был хищным и не пытался причинить Лёшику вред. «Если я его до сих пор не видел, значит, он незлобный, – подумал человечек. – Иначе он давно бы почувал меня, нашёл и съел». С этими мыслями Лёшиков пошёл дальше, миновал ворота и принялся бродить в поисках чего-нибудь полезного.

Удача была на стороне малыша – уже через несколько минут Лёшик наткнулся на интересную коробку, в которой лежали швейные принадлежности – катушка из-под ниток и несколько напёрстков. «Отлично! Теперь у меня есть стол и стульчики!» – обрадовался человечек и потихоньку перетаскал всё это в подвал. Погуляв ещё по окрестностям, Лёшиков нашёл себе одеяло – фантик из-под конфеты и подобрал несколько лепестков, опавших с роз, чтобы соорудить себе и подушку.

В целом обустройство подходило к концу, и Лёшик был очень доволен. Подкрепившись кусочком гриба, он дождался темноты и отправился в библиотеку, чтобы почитать какую-нибудь интересную книгу. Проходя по еле освещённому коридору, человечек случайно наступил на что-то мягкое. Он бы и не заметил этого, если бы это что-то не зашевелилось под ногами. Отпрыгнув, малыш прижался к стенке и только тогда осознал, что это был кошачий хвост. А где же сам кот? Да вот тут же, в нескольких шагах от человека, разлёгся, поджав под себя рыжие лапы, и, мурлыча под нос, спит, даже и ухом не повёл, видимо, лень было. Человечек внимательно присмотрелся к коту – размеров тот был внушительных, живот такой, что аж за бока выпирает. «Хороший, наверное, у рыжего аппетит, – подумал Лёшик. – Прожорлив и ленив, хотя это не главное. Важно, чтоб добрым был». И малыш бесшумно, чтобы не разбудить спящего зверя, двинулся дальше.

В библиотеку Лёшиков вошёл без труда – дверь была приоткрыта. На столе, освещённая лунным светом, лежала раскрытая книга – должно быть, кто-то забыл её тут или оставил нарочно. Человечек взобрался по занавеске на стол и, встав прямо на страницу книги, принялся читать. В тексте рассказывалось про далёкие моря и страны, про животных, которые обитают в различных краях, про людей и их занятия. Лёшик прогуливался по страни-

цам книги, как по земле, и читал, читал всю ночь напролёт. Он опомнился, лишь когда взошло солнце, и поспешно, пока не проснулись домочадцы, вернулся в свой подвал. «Спать, спать», – думал Лёшиков, направляясь к своей уютной кровати, и тут застыл от изумления – коробочка из-под киндер-сюрприза, наполненная сушёными грибочками и ягодками, была приоткрыта.

«Я же её закрывал!» – удивился человек. Он заглянул в коробку и ахнул: в контейнере не хватало трети содержимого, а ведь Лёшик только несколько раз откусил от одного маленького грибочка.

«Но не мог же я... – малыш покраснел. – Нет-нет-нет, я точно не мог всё это съесть и даже не запомнить!» Он, конечно же, подумал бы ещё, и, возможно, даже нашёл разгадку, но за ночь чтения Лёшик так устал, что глаза закрывались сами собой. В конце концов, совсем раззевавшись, человек решил, что ему хватит и того, что осталось в коробке, а сейчас самое лучшее, что можно сделать, это закрыть её и лечь отдохнуть. С этими мыслями Лёшиков забрался в кровать и заснул.

Следующая ночь опять прошла в библиотеке за увлекательным чтением. Но когда Лёшик вернулся к себе, то заметил, что коробок опустел уже ровно наполовину.

«Нет, теперь я уверен, что припасы съел не я! Кто-то тут хозяйничает», – догадался Лёшиков. Он очень разозлился и решил во что бы то ни стало проучить воришку. Поздно ночью, когда весь дом погрузился в сон, человек не пошёл в библиотеку, а остался в комнате, ещё раз осмотрел свои запасы и вытащил из кармана крошечный клей-карандаш. Лёшик на время взял его с письменного стола у больших людей. Аккуратно смазав крышку коробки с запасами, малыш лёг в кровать, укрылся мягким шарфиком и замер. Он совсем не хотел засыпать, вернее, спать он хотел ужасно, но боролся с этим, как мог. «Потерпи, Лёшик, надо увидеть этого воришку в лицо, – уговаривал он сам себя. – Может, это ужасное привидение, и мой клей ему нипочём... Или гном. А может... – зевая, строил предположения Лёшиков. – Может, ещё кто-нибудь... Ой, как хочется спать! Закрою глаза на пять минуток, а потом обязательно открою», – решил он и заснул.

Его разбудил странный звук. «Пи-пи-пи», – слышалось в темноте. От испуга Лёшик долго не мог сообразить, где он. Отвратительный писк не прекращался и слышался именно оттуда, где стояла коробочка с припасами. Включив маленький фонарик, принесённый из подвала, человек подошёл поближе.

– Сейчас я посмотрю в лицо наглому воришке, который берёт без разрешения мои грибочки, – громко произнёс он и осветил в сторону коробка.

– Пи-пи-пи, простите меня! – пропищал оттуда кто-то, и Лёшик разглядел очаровательную мышку в розовом платьице и белом передничке. На ушке у мышки был привязан крохотный бантик в тон к её платью, на ножках виднелись маленькие пушистые тапочки. А передние лапки её были... приклеены прямо к крышке коробочки из-под киндер-сюрприза.

– Честное слово, я не хотела, – моргая глазами, объясняла мышка. – Мне просто стало интересно, кто это тут поселился, я потихонечку подкралась, чтобы разглядеть вас, и вдруг учуяла запах... Он был такой сильный, такой необыкновенный, а я всегда, когда волнуясь, испытываю жуткое желание что-нибудь съесть... – Мышка замолчала и, виновато поглядев на Лёшика, всхлипнула.

– Хорошо, хорошо, вы только не плачьте! – ответил человек. – Я совсем-совсем не обижаюсь, честное слово. Просто вы могли бы спросить, и я бы охотно с вами поделился...

– Правда? Но я так вас боялась... – прошептала мышь, уставившись в пол.

– А давайте-ка познакомимся! – опомнился малыш. – Меня зовут Лёшик, – и он протянул ей ладонь.

– А меня Банечка, – пропищала мышь и хотела подать ему свою крошечную лапку, да не смогла – лапка прочно приклеилась к крышке коробка. – Ой! Пи-пи-пи... А как же мне теперь? – нежданная гостя вопросительно поглядела на человечка.

– Честно говоря, об этом я как-то не подумал, – смутился Лёшик. – Сейчас прочитаем, что написано на упаковке клея.

Человечек мигом нашёл упаковку и, посветив на неё фонариком, принялся за чтение.

– «Клей мгновенный, быстровысыхающий. Сохраняет свои свойства в течение месяца. Не смывается водой». – Лёшиков вздохнул и обратился к мышке: – Придётся подождать месяц...

– Месяц? – изумилась Банечка. – Но у меня нет столько времени... Я умру с голоду. Моя мама, сестрёнки и братишки будут переживать, и вообще, вдруг придёт этот ужасный кот Мурзик или, ещё хуже, девочка Неля, а я тут, приклеенная?! Тогда, тогда... – всхлипывая, продолжала она, – мне конец!

– Подожди, не волнуйся ты так! – успокаивал пленницу Лёшик. – Кого ты боишься? Того огромного рыжего кота, который с утра до ночи объедается сосисками? Да перестань! Он в жизни сюда не пойдёт. Он такой ленивый, что вообще едва передвигается по дому. А Нелли здесь нет, в доме только девочка Анастасия, которую домашние зовут Стасенькой!

– Да, Нелли живёт в соседнем доме, – пропищала мышка. – Но если бы ты знал, какая она жестокая и бессердечная, то понял бы, почему я так опасаюсь...

– Хорошо, давай сначала освободим тебя, а потом ты мне всё расскажешь, – предложил человечек. – Про то, что придётся ждать целый месяц, я, конечно же, пошутил. Надо найти другой выход.

Лёшик присел рядом с коробкой и, обхватив руками голову, стал напряжённо раздувать.

– А что, если мы вырежем ножницами по кусочку коробки под твоими ладонями?

– А вдруг я поранюсь? Я ужасная трусиха... – пискнула мышь.

– Да-а, тяжёлый случай. Слушай, а есть кто-нибудь, ну, из друзей, знакомых, кто мог бы тебе помочь? Боюсь, вдвоём нам не справиться...

– Нет, – категорично покачала головой Банечка. – Никого нет. Только мама да папа, да тётка с дядькой, и сестёр штук двадцать, а может, тридцать, и ещё братья... А так никого нет!

– Так зови их! – вскричал Лёшиков

– Что, всех? – удивилась мышка.

– Конечно!

– Я бы с удовольствием, но не могу, – огорчилась Банечка. – Моя семья живёт в доме Нелли, я одна оттуда сбежала и больше туда никогда не пойду! Не ступлю в тот дом даже лапкой! Хотя лапки у меня и так приклеены... – и мышка снова заплакала.

– Подожди! Не расстраивайся раньше времени! – сказал человечек. – Расскажи лучше, где живёт Нелли. Я сам позову твою родню.

– В соседнем доме – белом таком, с зелёной крышей. Моя семья обитает в подвале, – пропищала Банечка, и Лёшик тут же отправился на поиски.

Когда он подошёл к особняку, на который ему указала Банечка, то сразу же понял, о какой девочке рассказывала ему мышка. Это был тот самый дом, в котором человечек хотел поселиться несколько дней назад, но передумал, потому что там жила противная девочка, мучившая кошку Мусю. В памяти тут же возникла бедная Банечка, одетая в платице, передничек и тапочки, и Лёшик догадался, откуда у мышки этот наряд. Не теряя времени, человечек отыскал полуоткрытое окно и залез в дом.

Лёшиков упал на что-то мягкое и тёплое и сразу же увидел перед собой два больших удивлённых глаза.

– Мурр-р, это опять ты? – спросила кошка. – Что-то ты к нам зачастил...

– Здравствуйте, Муся! Я пришёл по делу... – начал было объяснять человек.

– Не стоит тебе сюда ходить! – перебила его кошка. – Нелли после прошлого твоего визита весь дом перерыла. Закатила истерику и всё требовала, чтобы родители тебя из-под земли достали. Ты просто не представляешь, как все балуют эту несносную девчонку. Если тебя обнаружит кто-нибудь из взрослых или, ещё хуже, сама Нелли, то посадят в клетку. Она будет наряжать тебя в кукольные одежды, петь ужасные немелодичные песенки и пичкать всякой ерундой, пока не замучает до смерти. Поверь мне, это самая страшная участь! Поэтому не приходи сюда ни за что.

– Но... Но там мышка, Банечка! Она приклеилась к коробке, – объяснял Лёшик. – Мне необходимо найти её семью!

Откуда-то сверху донёсся топот, и Муся, вскочив с подстилки, нервно закружилась на месте.

– Я знаю, знаю Банечку! Очень хорошая мышка! Я вообще дружу с мышами, – проговорила кошка. – Её семья живёт в подвале... Беги, беги скорее!

Лёшик рванул в сторону, но было уже поздно – на пороге показалась Нелли в коротких штанишках и яркой блестящей футболке. Волосы девочки были завязаны в два хвостика, в руках она держала леденец. Остановившись у входа, Нелли окинула комнату взглядом и, на счастье Лёшика, не заметила человека. Зато Муся, прокричав: «Беги, я её отвлеку!», с громким урчанием вдруг рванула к мучительнице.

– Ах ты, злюка! – воскликнула маленькая хозяйшюшка. – На меня шипишь? Ну-ка, пошли в комнату, я дам тебе валерьянки и заодно причешу.

Лёшиков спрятался за ножку стола и с сожалением посмотрел вслед кошке, которую несносная девчонка схватила на руки и куда-то понесла.

«Да, теперь понятно, почему отсюда сбежала Банечка», – подумал человек.

Но времени было мало, и Лёшик кинулся вниз, в подвал. Едва он только вошёл туда, как отовсюду послышалось шуршание и лёгкий шелест – это обеспокоенные мыши спешили спрятаться от незнакомца.

– Извините, что побеспокоил, уважаемые мыши! – громко произнёс Лёшиков в наступившей тишине. – Дело в том, что Банечка попала в беду и мне срочно нужна ваша помощь!

Шелест со всех сторон тут же возобновился, и через минуту Лёшик увидел тут и там мышиные головки.

– Что с ней?

– Пи-пи-пи, что случилось?

– Где она? – пищали отовсюду мыши.

– Ничего страшного, не волнуйтесь! – ответил человек. – Банечка приклеилась к коробке лапками. Честно говоря, это моя вина, и я хотел бы всё исправить. Если вы все пойдёте со мной, то вместе мы справимся! Нам надо оторвать мышку от коробки.

Мыши согласились. Они все благополучно добрались до подвала, в котором находилась Банечка, и Лёшик снова повёл речь:

– Итак, пусть несколько мышей схватятся за коробку, я буду тянуть Банечку на себя, а другие мыши станут тянуть меня. Понятно?

– Пи-пи-пи, понятно, – ответили мыши.

– Не надо, пожалуйста, я боюсь! – раздалось в толпе всхлипывание – это сестрёнка Банечки, такая же милая мышка, утирая слёзы, переживала за сестру.

– Не бойся, – пропищала ей Банечка, – хоть мне и самой страшно, но лучше рискнуть, чем оставаться приклеенной.

Несколько минут ушло на то, чтобы мыши построились, как надо. Затем Лёшик, уцепившись за Банечку, потащил её на себя. Сзади его тянули мыши. Другие грызуны вцепились в коробку. Усилия не пропали даром, клей не выдержал. Коробка отлетела в сторону,

а освобождённая Банечка не удержалась на ногах и упала на Лёшика. Тот, в свою очередь опрокинулся на спину, отчего все мыши с диким хохотом повалились на пол.

Так Лёшиков познакомился с мышиним семейством.

После этого все радостно покружились, расцеловали бедную Банечку и рассказали ей, как они за неё переживали, а спасённая мышка поведала человечку свою историю.

– Я жила в том доме вместе со всеми, – пропищала она. – Там всегда много крошек и неубранной еды. Хозяйева, включая девочку, не очень-то за собой убирают, и мышам самое настоящее раздолье. Я так привыкла к этому, что совершенно не думала о безопасности. Однажды ночью, бродя по дому, я увидела большой кусок сыра. Он так манил меня, что я забыла обо всём на свете. Подбежав к этому кусочку, я схватила его в лапки и случайно задела хвостиком какую-то монетку. Это было моей главной ошибкой, потому что на монетке держался стакан, под которым лежал сыр. Монетка отлетела, стакан накрыл меня вместе с сыром, и я, сколько ни пыталась, так и не смогла оттуда выбраться.

– Такую мышеловку эта девчонка придумала, – объяснила Банечкина сестрёнка Ника. – Что только она не выдумает, лишь бы сделать какую-нибудь подлость.

– Я помню, как Банечка запищала, мы все прибежали, но стакан был такой тяжёлый, что, сколько мы ни пытались, даже с места его не сдвинули, – смахнув слезу, сказала мама-мышь.

– А потом пришла Нелли, – проговорив это, Банечка задрожала от страха. – Она вытащила меня из стакана и посадила в клетку. Затем принесла мне поесть и стала мучить. Она надевала на меня кукольные платьица, заворачивала в пелёнку и качала, отчего у меня кружилась голова. Засовывала в какие-то маленькие домики и машинки, катала и издевалась.

– Бедная моя крошка, – всхлипнула мама-мышь.

– Бедная сестрёнка, – пропищала Ника.

– Я думала, что умру в этой клетке, но как-то раз девочка забыла запереть дверцу. Дождавшись, пока все в доме уснут, я выбежала из своей тюрьмы и примчалась в подвал, к моей семье, как была, в этом платьице, переднике, тапочках и с бантиком.

– Сколько мы не пытались это снять, так и не смогли. Нитки такие крепкие, даже зубами не перегрызть, – пожаловалась мама-мышь.

– А наутро, – продолжала Банечка, – Нелли устроила целый скандал. Она кричала на весь дом, требуя, чтобы меня нашли. Что там началось! Её родители стали бегать по всем этажам с фонариками в руках, перевернули всё вокруг, лишь бы меня найти.

– Бедная Банечка залезла под пол и лежала там ни жива, ни мертва, – проговорила Ника.

– Мы уже тогда поняли, что не будет нашей крошке жизни в этом доме, – сказал папа-мышь. – Но всем нам перебираться на новое место тяжело – в доме у нас свои ходы, свои норы, сами видите, какая у нас огромная семья, да и еды там вдоволь. А тут хозяйева очень чистолюбивые, всё за собой убирают.

– Тогда я решила бежать одна, – пропищала Банечка, – и следующей ночью удрала из того ужасного дома. Вот уже несколько недель я обитаю тут. Здесь мне одной хватает крошек со стола, люди тут живут тихие и спокойные. А больше мне ничего не надо. Только вот одиноко иногда...

– Каждую ночь мы с нашей крошкой встречаемся у забора и общаемся, – сказал папа-мышь.

– А я иногда прибегаю к ней в гости, – с улыбкой проговорила Ника.

Рассказ бедной мышки очень впечатлил Лёшика. Он сочувственно поглядел на Банечку и произнёс:

– Теперь тебе не будет одиноко, потому что я тоже буду жить тут. И если хочешь, я могу достать маникюрные ножницы и перерезать завязки, чтобы ты сняла эти кукольные наряды.

– Спасибо! Я очень хотела бы избавиться от тапочек и бантика – очень уж в них неудобно, – пропищала Банечка. – А вот платице и фартук, пожалуй, оставила бы. Я уже привыкла к этой одежде. Да и в передничек удобно класть сухарики, а я всегда, когда волнуясь, что-нибудь грызу.

Всё мышинное семейство с улыбкой посмотрело на человечка.

– Теперь я не волнуюсь за свою крошку, – сказал Лёшикову папа-мышь, – вижу, что у неё появился хороший друг.

– Я очень рад, – проговорил человечек, – ведь у меня сегодня появился не один друг, а очень много, боюсь, не сосчитать вас всех.

С тех пор Лёшиков и Банечка стали очень дружны – делили поровну еду, вместе обходили стороной ленивого рыжего кота, гуляли по саду, окружавшему дом, любуясь чудесными цветами и наслаждаясь их благоуханием.

Глава третья, в которой рыжий кот чуть не съел ворону и объявил Лёшику войну

Как-то раз, когда большие жители дома заснули, Лёшиков по обыкновению прокрался в библиотеку и, выбрав одну из книг в ярко-алом переплёте, столкнул её с книжной полки. Книга с шумом упала на пол, и человек, спрыгнув, подошёл к ней. Он уже собирался приступить к чтению, как вдруг услышал протяжное карканье:

– Ка-а-а-ар! Ка-а-а-р!

Эти звуки Лёшик слышал уже не в первый раз. Голос принадлежал вороне, но вот только каркала эта ворона как-то уж очень странно. Во-первых, не как другие птицы – днём, а среди ночи, к тому же как-то особенно протяжно, почти завывающе!

«Что это за ворона такая?» – подумал Лёшиков и снова уставился в книгу. Не успел он прочесть и двух слов, как услышал грохот, затем испуганный и очень тревожный звук «Кар!», сменившийся отчаянным хрипом.

Лёшик, не медля, помчался на звук. Он прибежал как раз вовремя: жирный рыжий кот Мурзик держал в зубах измученную, трепещущую ворону.

– Отпусти меня! – хрипела бедная птица.

Кот же, стиснув зубы и вращая жёлтыми глазами, испуганно озирался. Создавалось ощущение, что бедное животное и само не знало, что делать со своей жертвой.

– Что ты делаешь? Немедленно её отпусти! – закричал Лёшик, приблизившись к коту.

По всей видимости, Мурзик никогда до этого не видел таких крошечных человечков, как Лёшиков, потому что глаза у него вдруг расширились до небывалых размеров, шерсть встала дыбом, рот самопроизвольно раскрылся, кот шарахнулся в сторону, а освобождённая ворона воспользовалась случаем и вылетела через открытое окно.

– Шшшш! – зашипел Мурзик на Лёшика. – Кто ты такой, чтобы мне мешать? Шшшш!

– А кто ты такой, чтобы есть птиц? – возмутился человек.

– Кто я такой? – Мурзика одолела ярость, и он уже совсем не выглядел запуганным животным. Гордо выпячив грудь, он объяснил Лёшикову: – Я – кот и могу есть в этом доме кого угодно, не считая людей. В конце концов, ворона сама виновата – своим карканьем уже несколько ночей подряд не давала мне заснуть!

– Между прочим, не карканьем, а пением, – возразила ворона. Она присела на подоконнике и не думала улетать (с чего бы куда-то лететь, когда тут такие интересные события?). – Если бы ты не был таким ленивым соней, то мог растопырить свои уши и послушать мою песню. Могу поспорить, она не хуже трели соловья.

– Если это ужасное карканье похоже на песню, то не стоять мне сейчас на этом месте, – опроверг Мурзик. С этими словами кот завалился на бок и, закрыв глаза, закончил: – Впрочем, зачем и вправду стоять, когда можно полежать?

– А ты, Лёшиков, – продолжала ворона, обращаясь уже к человеку, – наконец-то заметил меня! А то я уже совсем отчаялась...

– Откуда ты знаешь моё имя? – удивился человек и внимательно посмотрел на птицу. – Твои чёрные крылышки кажутся мне знакомыми. И эти глазки, чёрные, как две спелые виноградины. Постой, тебя случайно зовут не Карлуша?

– Именно так и зовут, – с довольным видом кивнула ворона.

– Как? – изумился Лёшик. – Так это ты? Милая, родная Карлуша, как же я рад! Расскажи мне, как ты жила все эти дни. Что с тобой произошло? Ты выросла и превратилась в очень красивую птицу.

Ворона поглядела на своё отражение в оконном стекле и, оставшись довольной увиденным, принялась рассказывать:

– Я жила очень хорошо! Тётушка Рима – так зовут ту умную птицу, у которой ты меня оставил, – обучила меня грамоте, и теперь я могу немного читать, э... ну, совсем немного.

– Тоже мне грамотей! – недовольно фыркнул кот, приоткрыв один глаз и снова закрыв.

– Но это не главное, – не обращая на Мурзика внимания, продолжала Карлуша. – Важно то, что я умею складывать эту... забыла... ритму, кажется...

– Рифму, – подсказал ей Лёшиков.

– Ну да, её самую, и писать стихи и песни. Ты даже не представляешь, как я талантлива! Я могу петь всю ночь напролёт! Обо мне узнают, меня занесут в Книгу рекордов Гидесса как ворону, поющую не хуже соловья, посадят на бархатную подушечку и будут кормить отборным зерном...

Ворона так живо представила эту картину, что сама себе поверила и стала важно рассказывать по подоконнику. Лёшик, глядя на свою подругу, чуть не прыснул со смеху, но сдержался и спросил её:

– А как же ты здесь оказалась?

– Это тоже интересная история, – начала объяснять Карлуша. – Когда моё обучение подошло к концу, тётушка Рима сказала: «Карлуша, ты – лучшее моё творение! Лети и удиви мир! Но сначала скажи спасибо этому маленькому человечку, который оставил тебя здесь и озарил твой тёмный путь светом учения!» И я полетела тебя искать. Сначала я посетила наш старый парк, но там, кроме жука Бажажука, никого не нашла. Кстати, этот старичок уютно устроился – на него одного приходится целый куст шиповника. Жук сказал, что все улетели в другой парк, и я направилась туда. Там я встретила маму и Микешу...

– Ты их увидела? Так это чудесно! Вот Клара, наверное, обрадовалась! – перебил рассказчицу Лёшиков.

– Конечно, обрадовалась. Она на меня всё никак наглядеться не могла, обо всем спрашивала. А потом, когда я запела, заплакала от счастья. Я погостила у них несколько денёчков и полетела дальше, искать тебя. Я пролетала как раз около этого дома, как увидела – а ты же знаешь, глаз у меня намётанный, – как ты гуляешь с какой-то странной мышью...

– Мышью? – насторожился рыжий кот, всё это время делавший вид, будто спит, но оттопыривший одно ухо, чтобы лучше слышать.

– Я только хотела что-нибудь крикнуть, как вы через щель пролезли в подвал, – продолжала ворона. – Пришлось расположиться на ветке дерева и ждать. А чтобы не было скучно, я стала репетировать песню. Репетировала несколько ночей и дней подряд, но ты почему-то не выходил из дома, или я тебя не заметила. А потом этот ужасный кот прыгнул и чуть не съел меня. – Говоря это, Карлуша бросила злобный взгляд в сторону дремавшего.

– И плохо, что не съел, – ответил кот. – Кстати, если вам интересно, меня Мурзиком зовут. А кинулся я на тебя, потому что ты поёшь день и ночь и мешаешь честным котам поспать!

– Ой-ой-ой, честный кот! – прокаркала ворона. – Ты спишь всё время, так что мог бы и пободрствовать немного! Я за тобой наблюдала в эти дни: ты – лентяй и лежебока!

– А ты – крикливая глупая птица! – огрызнулся кот.

– Ах, это я-то глупая? – обиделась Карлуша.

– Пожалуйста, не ссорьтесь! – перебил их Лёшик. – Карлуша, я очень тебе рад и благодарен за то, что ты нашла меня! Теперь мне спокойнее, потому что я знаю, что с тобой всё хорошо. Но подумай, может, ты и впрямь громко поёшь (а я уверен, что это не крик, а пение) и мешаешь спать Мурзику? Ведь он у себя дома и имеет право немного вздремнуть.

– Совершенно верно, – успокоившись и зажмурив глаза, промурлыкал кот.

– Но ты, Мурзик, тоже не прав, – продолжил Лёшик, отчего кот приоткрыл глаза и удивлённо уставился на человечка. – Почему ты просто не попросил Карлушу помолчать, а вместо того решил её съесть?

– Да не знаю, как-то в голову не приходило, – признался кот.

– Вот так всегда. А ведь я уверен, она бы обязательно вняла твоей просьбе. Ведь правда, Карлуша?

– Конечно! – важно ответила птица. – И знаете что, мне у вас понравилось, и я решила остаться жить в этом чудесном саду. Здесь не хуже, чем в парке, а с тобой, Лёшик, так весело! Обещаю вести себя более воспитанно, чем некоторые, – она гневно взглянула на кота. – И клянусь, что не стану больше петь по ночам.

– Так это же чудесно! – обрадовался человечек. – Мурзик, старайся и ты следить за своими поступками!

– А не хочу! – заупрямился кот. – Я уже достаточно взрослый, чтобы самому думать, что мне надо делать, а что не надо! Надо было всё-таки съесть эту глупую птицу! И вообще, почему вы так легко решаете, что будете жить тут? Вы меня спросили? Ведь я тут давно живу и, можно сказать, один из хозяев дома, а вы так нагло права качаете!

– Извини нас, Мурзик! Но я тоже здесь обитаю уже несколько месяцев, – ответил Лёшик, – и стараюсь никого не стеснять. Думаю, Карлуша тоже не причинит тебе неудобств, правда, Карлуша?

– Кар! – ответила птица. – Конечно! Очень надо мне его стеснять!

– Нет-нет, я всё равно не согласен! – упрявился кот. – Ладно ещё она, – он указал лапой на ворону, – каркает себе там с дерева. Если что, шугану её, и делов-то! А вот ты, Лёшик, мне не нравишься! Живёшь со мной под одной крышей, подвал занимаешь, с мышами дружишь, командуешь тут, моего лидерства не признаёшь. Поищи-ка лучше себе другой дом! Здесь я – хозяин!

– Вот ещё! – каркнула ворона. – Нашёлся хозяин! Лёшиков – отличная птица, вернее, кот, тьфу, человек, и пусть живёт где хочет. Я здесь поселилась, а значит, имею право голоса как житель этого дома, и я за то, чтобы Лёшик остался!

– И я, – пискнула из-под пола Банечка.

– А ты вообще молчи! – огрызнулся Мурзик, сверкнув жёлтым глазом в сторону мыши. – Если бы я знал, что тут живёт мышь, то обязательно бы тебя поймал. Я бы и сейчас поймал, да лень. Будешь попискивать, съем в два счёта! Когда посплю... И вообще, с чего это тут все – против меня? Ладно-ладно, я вам ещё устрою. Я ещё с вами повоюю! – погрозил лапой кот и погрузился в сон.

С тех пор у Лёшика с Мурзиком началась негласная война. Вернее, у Мурзика с Лёшиком, потому что сам Лёшиков не чувствовал по отношению к коту злобы. Напротив, он относился к нему очень даже хорошо и верил, что в глубине души это очень доброе и ласковое животное. Вспомнить хотя бы тот миг, когда кот поймал ворону и не знал, что с нею делать. Лёшиков был уверен, что, даже если бы он не вмешался, кот всё равно не съел бы бедную птицу, у него просто совести бы на это не хватило. Но Мурзик почему-то очень обозлился на человечка и начал строить ему всяческие козни.

В доме кота очень любили, даже мыши относились к нему неплохо. Хозяйева (а в доме жила семья, состоящая из той самой девочки Стасеньки, её бабушки, мамы и папы) кормили Мурзика очень хорошо, так что позариться на невкусную мышатину он не мог. А для игры и забавы ему вполне хватало бабушкиных клубков для вязания и игрушек девочки.

Особенно ему нравился крохотный резиновый мячик. Когда Мурзику хотелось поразвлечься, он приносил этот мячик кому-нибудь из взрослых и, сладко мурлыча, умильными взорами просил поиграть с ним. Взять, например, и бросить куда-нибудь в угол, чтобы он, Мурзик, побежал за мячом и принёс хозяйевам, показав тем самым, какой он способный и

умный... При этом Мурзик всегда сожалел, что Анастасия, дочка хозяев, не может видеть его уморительных прыжков и грациозных движений. И всё равно она звонко смеялась, слыша похвалы Мурзику, и нежно трепала его по шёрстке, когда кот к ней подходил.

Кота все ласкали и баловали, брали на руки, выполняли любые его прихоти. Во время обеда кто-нибудь обязательно говорил: «Надо и Мурзику дать попробовать это блюдо». И Мурзик, благодарно потёршись о ноги хозяев, торопился к своей мисочке. Все любовались им, когда он спал посреди комнаты на ковре, развалившись на спине и слегка скрестив на груди лапы или же прикрыв одной лапой нос; все разговаривали с ним; все интересовались его настроением и его аппетитом... И даже папа Ларион, иногда ворчавший, что женщины слишком балуют кота и раскормили его до неприличной толщины, не мог устоять перед кошачьими нежностями. Например, когда кот подбегал к нему, взбирался на руки, прижимался к груди хозяина и мурлыканьем демонстрировал, что любимее Лариона нет для Мурзика человека. После этого даже строгий хозяин принимался чесать общего любимца за ухом, тихонько повторяя: «Ну, хорош, хорош наш Мурзичек...»

Так вот и получилось, что кот и сам уверовал, что умнее и милее его нет никого на свете. Он страшно гордился собой и стал вести себя заносчиво и нахально. Ведь кто, по его мнению, мог ещё считаться хозяином в доме, если не он? Если подумать, то и люди здесь жили только для Мурзика. Представляешь, мой юный друг, какие мысли пронеслись в голове у кота, когда он повстречал Лёшика? Ему казалось, что маленький человечек суёт свой крошечный носик куда не следует и совершенно не хочет признавать исключительность Мурзика! Заводит себе друзей, причём таких, какие раздражали кота, и указывает ему, Мурзику, кого ему следует и кого не следует есть! Естественно, что коту не понравилось такое поведение, и он решил Лёшикова проучить.

На следующую ночь, несмотря на то что Карлуша больше не репетировала свою песню, Мурзик не заснул, а, развалившись в коридоре, оттопырил уши и прислушался, пытаясь угадать, где находится сейчас человечек. В это же время Лёшик отправился по обыкновению в библиотеку. Но не успел он шагнуть в прихожую, как перед ним появился ужасающе шипящий кот. Пасть Мурзика была оскалена, а шерсть на спине грозно стояла дыбом. Любой, увидев такое при ночном лунном свете, испугался бы... Любой, но только не Лёшик. Человечек достал подтяжки и, хорошенько оттянув резинку, щёлкнул ею кота прямо по носу. Мурзик замер, и из его глаз брызнули слёзы, больше от обиды, чем от боли. Да и не обидно ли – получить резинкой в нос?

«И главное, за что?! – подумал Мурзик. – Разве я сделал что-то плохое? Ну, пошутил немного...»

Он убежал в комнату и тут же стал вынашивать новый план мести. Несколько дней и ночей подряд кот упорно следил за Лёшиком и заметил, что тот любит заглядывать всюду, где есть хоть какая-нибудь щёлочка. «Любопытства у этого человечка не отнять, но это можно использовать в своих целях», – подумал кот. Он был достаточно мудрым, чтобы найти место, в которое маленькому человечку наверняка хотелось бы пролезть, – это холодильник. «Отличная мышеловка, вернее, Лёшиколовка!» – решил кот, и, выбрав момент, когда в следующую ночь Лёшиков с Банечкой зашли на кухню, Мурзик нарочито шумно подошёл к холодильнику, открыл его, хитро осмотрелся вокруг и сделал вид, будто ищет там свою любимую рыбку.

– Лёшиков, будь осторожен! – прошептала мышка. – Он что-то задумал, я вижу!

– Не волнуйся, Банечка! Ему меня не провести, – улыбнулся Лёшик и на цыпочках подкрался к коту, который так увлёкся своей ролью, что перестал обращать внимание на человечка. А тот между тем незаметно сунул кончик пушистого рыжего хвоста своего неприятеля прямо в щель открытой дверцы холодильника. Потом, будто бы не замечая кота, прошёл мимо и прикинулся, будто собирается залезть в холодильник.

«Ну, вот ты и попался!» – подумал кот и приготовился захлопнуть дверцу, как только Лёшик заберётся внутрь. Но наш герой уже давно догадался о планах кота и задумал кое-что в ответ. Он подпрыгнул, сделав вид, будто забирается в холодильник. Кот тут же захлопнул дверцу и вдруг отчаянно мяукнул оттого, что почувствовал жуткую боль – ведь он прихлопнул вместе с дверцей и свой собственный хвост! Лёшиков же как ни в чём не бывало прошагал мимо него, вежливо спросив: «Как ваши дела? Как здоровье?» Бедный Мурзик был настолько поражён, что даже не смог ничего ответить. Да и какие тут разговоры, когда хвост защемлён! А этот негодник с противной мышью удрали из кухни, только пятки сверкали.

Так и просидел Мурзик до самого утра, пока бабушка, долго ахавшая потом над злоключением своего любимца, не полезла в холодильник за маслом и не освободила бедного узника. Хвост у кота ещё долго болел, шерсть на нём сильно поредела и выглядела так прискорбно, что хозяйева решили, будто у Мурзика блохи. Они тёрли бедного кота специальным кремом, мыли противным вонючим шампунем, мазали всякими лекарствами...

– Каар! – смеялась над Мурзиком Карлуша. – Теперь у тебя хвост похож на мышиный! А пахнет похуже, чем от мусорного бака. Кааар! Хорошо же Лёшик тебя проучил! Потому что не надо быть таким злым!

– Ма-а-а-а-у-у-у! – закричал на неё кот. – Иди прочь, пока я не выдрал у тебя из хвоста все перья.

Однако как Мурзик ни злился, но вынужден был признать – ворона права. Он стал страшным и вонючим, и даже люди перестали брать кота на руки, боясь подцепить какую-нибудь заразу. «Ну, погоди же, – шипел оскорблённый донельзя кот в адрес Лёшика, – ты у меня ещё попляшешь!»

Так Мурзик довёл себя до того, что совсем потерял покой и сон. Он целыми днями и ночами пытался придумать, как проучить вредного Лёшикова, но ничего в голову так и не приходило. Все были против него. Люди уже не баловали так, как раньше. Ворона смеялась над ним, а дружила с Лёшиком да ещё с этой крошечной мышкой Банечкой. Мурзик часто наблюдал, как они втроём гуляют поздним вечером. Ему было тоскливо и одиноко. «Вот бы и меня позвали! – думал он иногда, но тут же отбрасывал эту мысль: – Хотя зачем они мне нужны? Обойдусь и без них! Это я тут хозяин, а они – самозванцы! Надо обязательно выгнать их из дома!» Раздражение кота росло ещё из-за того, что с недавних пор и Банечка, и Лёшик совершенно перестали его бояться. Если раньше он их не видел и даже не догадывался, что они живут поблизости, то теперь всё изменилось. Лёшиков, и не думая прятаться, спокойно шастал по дому, а Банечка вообще задрала нос. Пару дней назад, пробегая с печеньем во рту мимо лежащего Мурзика, она, не разжимая зубов, пропищала:

– Ешли только ты меня тронешь, я шкажу Лёшикову, яшно?

– Шшшш! – зашипел на неё Мурзик, и Банечка на всякий случай ускорила свой шаг. Разумеется, у кота и в мыслях не было есть такую малышку, он просто не воспринимал её всерьёз, да и лень ему было за ней гоняться, но слова Банечки очень расстроили кота. Он понял, что надо срочно что-то делать, иначе ему не будет житья в этом доме. До чего дошло – мыши ему угрожают! Пугают его каким-то Лёшиком! Нет, это просто неслыханно... И Мурзик, поразмышляв, вынес Лёшикову приговор. Раз всё гениальное просто, то нечего мудрить, он просто-напросто съест этого наглеца, и делу конец!

Тебе, мой юный друг, покажется, что для кота это наверняка было нетрудно, но нет. Мурзик, как я уже говорил раньше, очень изнеженное животное, и для того, чтобы съесть Лёшика, ему требовалось сделать очень многое. Во-первых, для начала нагулять аппетит в течение дня, а для этого лучше бы отказаться от еды, как это ни прискорбно. Затем изловчиться и поймать нахала, ну и дальше уже дело за малым. Но кот твёрдо решил и потому приготовился к изнурительному, на его взгляд, голоданию. Это было очень сложно. То и дело мимо проносили различные вкуснятины, от которых пахло так, что Мурзика ну просто

тянуло к тарелке. Люди озадаченно поглядывали на голодного кота, а он, сердясь на всех, отворачивался и сосредоточенно смотрел на стенку.

– Что это ты, Мурзик, такой задумчивый сегодня? Не играешь, не бегаешь... Не заболел ли часом? – забеспокоилась бабушка Нина, но Мурзик сделал вид, будто не слышит.

Не съев почти ничего на завтрак (ну, только сосиску и плоточек молочка – разве это пища для кота?) и, можно сказать, пропустив обед (если опять же не считать немного супа с мясными фрикадельками), он терпеливо ждал ночи. И ночь наконец наступила. «Готовься, Лёшиков! Твой час пробил», – усмехнулся про себя кот, подтачивая коготки.

А в это время Лёшиков тоже не зевал. Он с самого утра заметил, что с котом творится что-то неладное, и отправил на разведку Банечку. Она доложила ему, что Мурзик сегодня ест очень мало, и одно это уже наводило на мысли. Под вечер кот начал вдруг точить когти и прыгать через маленькую табуретку, что опять же выглядело довольно подозрительно.

«Ладно, ладно, – подумал Лёшик, – на всякий случай приготовимся». – Маленький человечек стащил с большого кухонного стола стручок жгучего красного перца, о чём-то пошептался с Банечкой и ненадолго скрылся у себя в подвале. Он вернулся оттуда уже с чучелком, которое смастерил из перца и одел в свои штанишки, рубашку и шапочку. Лёшик прислонил чучелко к ножке стула в гостиной, где любил лежать кот, и раскрыл перед ним брошенную папой Ларионом газету. Со стороны можно было подумать, что маленький человечек стоит, оперевшись о ножку стула, и увлечённо читает интересную статью. Сам же Лёшиков спрятался за ножкой стола и подал знак Банечке. Мышка со всех ног помчалась мимо кота в сторону прихожей, громко пища:

– Лёшиков, быстрее, быстрее! Пойдём на улицу, я тебе что-то интересное покажу!

– Нет уж, это я сейчас кое-что покажу, – пробурчал про себя Мурзик и бросился вперёд. Он увидел, что стоящий возле стула человечек не реагирует на его шумные прыжки, но разве до того было коту, когда он уже широко раскрыл пасть и схватил врага... В тот миг, когда зубы кота сомкнулись на чучелке, краем глаза Мурзик заметил настоящего Лёшику. Малыш спокойно стоял, скрестив на груди руки, и укоризненно смотрел на противника. Одновременно с этим пасть кота обожгло перцем, язык сильно защипало, из глаз брызнули слёзы, шерсть встала дыбом, а из гортани вырвался непонятный хриплый звук.

– Мяу! Мяу! – закричал Мурзик, с диким шипением метаясь из стороны в сторону и перебегая из одной комнаты в другую.

– Пи-пи-пи, – запищала Банечка и завалилась на спинку со смеха.

– Кар! Кар! Что происходит? – села на подоконник Карлуша и удивлённо склонила голову набок. – Устроил здесь мяуканье посреди ночи, а ещё мне не даёт петь соловьём... Или он хочет меня перепеть? Ну уж нет, тогда и я буду! – и Карлуша, гордо выпявив грудь, громко закаркала.

От такого дуэта проснулись все обитатели дома.

– Мурзик, что с тобой? – встревожено спросила бабушка. Она вошла в комнату и включила свет, поэтому Лёшик, мышка и ворона тут же скрылись из виду. – Сегодня плохо ел, а сейчас кричишь. Ты не заболел, милочек?

– Ему необходим свежий воздух! – грозно сказал папа Стаси, войдя вслед за бабушкой. – С таким питомцем нам не выспаться, а у меня завтра важная встреча. Пусть погуляет в саду до утра, может, ему полегчает!

И бедного Мурзика выставили на улицу. Его жалобное мяуканье, сопровождаемое злорадным карканьем вороны, ещё долго разносились далеко вокруг, пугая соседей – людей и животных. Только к обеду следующего дня Мурзик вернулся домой. Ему было очень одиноко и тоскливо.

Ты, может, подумал, что Лёшиков очень суров? Нет, нисколько. У него доброе и открытое сердце. Просто, ты же сам помнишь, кот хотел навредить человечку, и тому ничего не

оставалось, как защищаться. В действительности же Лёшик очень переживал за кота и всей душой желал помириться с ним. Поэтому в следующий раз, встретив измученного и грустного кота, человек решил первым пойти на перемирие и поздоровался:

– Здравствуй, Мурзик! Как здоровье? Как дела?

Кот, съевший накануне острый перчик и проведший полночи в саду, уже не ожидал от жизни ничего хорошего и потому удивлённо открыл глаза и поднял одно ухо. «А почему бы и вправду не поговорить вот так вот просто?» – пришла ему в голову мысль, и Мурзик тут же ответил:

– Эх, Лёшиков! Дела мои ужасны! Если бы увидел меня кто из соседских котов, то наверняка засмеял бы! Хорошо, что не появилась красавица кошечка Муся, а то я бы вообще со стыда сгорел... И зачем я только с тобой связался? Мурр, муррр...

Мурзик привстал с мягкой полосатой подстилки, на которой до того удобно лежал, и принялся прохаживаться взад и вперёд, почему-то хромя на переднюю лапу.

– А здоровье моё, – продолжал он таким же обиженным тоном, – совсем плохо. Бессонница, во рту до сих пор горит, теперь ещё и эта лапа... Хотя что это я жалуюсь? Кому интересны беды несчастного одинокого кота?! – и Мурзик нарочито закатил глаза и преувеличенно громко всхлипнул.

Лёшиков залился краской от стыда, ведь это же он был повинен во многих несчастьях бедного Мурзика.

– Прости меня, пожалуйста, – пристыженно произнёс человек. – Это всё из-за нашей последней встречи, да? Я не хотел тебя обижать! Но ты ведь сам задирался...

– Последней встречи... – проворчал кот. – Всё из-за того, что ты упорно не хочешь признавать меня, Мурзика, главным в нашем доме. А ведь что тебе стоит, а? – и кот просительно мяукнул, грациозно выгнув спину, потом потянулся, любуясь собой, и снова сел, обвив хвостом передние лапы. А затем продолжил: – Ты совершенно меня не ценишь, не уважаешь. А ведь мы, коты, между прочим, известны с древних времён. Нас всегда любили, нам поклонялись, как божеству – в Древнем Египте, например... Мы не только мурлыкать умеем, мы много полезного делаем для людей. Даже можем безошибочно погоду предсказывать. Я вот перед ливнем или сильным ветром царапаю стены, обивку мебели, а перед похолоданием выбираю себе местечко возле тёплой печки и сворачиваюсь в клубочек, спрятав свой нос в лапах.

– Да уж, – насмешливо прервал не в меру расхваставшегося собеседника Лёшиков, – если бы по тебе погода устанавливалась, так у нас всё время было бы холодно и ветрено. Вечно ты спишь возле тёплой печки да песни поёшь, да точишь когти об обивку дивана после сытной еды...

Однако кот не обратил на слова Лёшика ни малейшего внимания.

– Вот если бы ты понимал и ценил меня, – продолжал он, – то наша последняя встреча – муррр, муррр – не оставила бы в моём сердце такого печального следа...

– Но я не трогал твою лапку, а ты хромаешь! – воскликнул Лёшик. – Может, расскажешь мне, какая беда с тобой приключилась?

– Не думаю, что мои неприятности тебя огорчат, – немножко рисуясь, сказал кот. – Но дело в том, что когда я, гхм, пел в саду, то сильно наколол лапу, и теперь мне очень больно на неё наступать.

– Дай мне взглянуть, – попросил Лёшиков и протянул руку.

– Ой, нет, – мяукнул Мурзик. – Вдруг ты сделаешь ещё хуже? Я-то ведь знаю, на что ты способен!

– Я лишь отвечал на коварные действия, совершённые против меня, – ответил маленький человек и, приподняв кошачью лапу, внимательно её осмотрел. Затем с видом настоя-

щего врача добавил: – Да у тебя тут огромная заноза – шип розы! И как это тебя угораздило?.. Шип засел глубоко, одному мне с ним не справиться. Придётся поискать помощников.

– Надеюсь, ты не станешь звать эту горластую ворону, которую я чуть не съел? – испугался кот. – Она наверняка в отместку сделает мне что-нибудь плохое...

– Если бы ты не делал глупостей, то и не боялся бы ответных глупостей от других, – заметил Лёшик и улыбнулся, – надо было бы тебя проучить, но, кажется, ты уже наказан. А Карлушу я звать не буду. У неё и так дел полно!

– И ничего не полно, кар! – воскликнула ворона, которая тут же впорхнула на подоконник. – Я за вами уже давно наблюдаю. Я уже и песню про Мурзика придумала, хотите – спою?

– Только не это! – кот прижал уши к голове, а Лёшиков улыбнулся вороне и ответил:

– Конечно, хотим!

– «Мурзик – птица хоть куда! Только малость толстый, да! И неловкий он немножко, но на то ведь он и кошка!» – прокаркала ворона.

– Какая я птица? – возмутился Мурзик. – И почему ты меня назвала кошкой, если я самый настоящий кот! Мне не нравится эта песня!

– Зато почти в рифму! Послушай мой припев, – добавила Карлуша и прокаркала на разные лады: – Кар, кар, кар, ка-ар, ка-ар, кар-кар.

– Ещё лучше, – проворчал кот. – И чему только тебя учили в этой твоей... школе ритмы?

– Рифмы, – поправила ворона.

– Всё равно! – отмахнулся Мурзик и, посмотрев на свою лапку, поморщился от боли. – Не могла бы ты помолчать? А то лапа совсем разболелась.

– Да, твоя лапа! Извини! – вспомнила ворона и обратилась к Лёшику: – Чем я могу помочь? – Она подлетела поближе к друзьям и взглянула на рану. – Да уж, ну и занозу ты нашёл! Полдерева в твоей лапе!

– Что, всё так плохо? – позеленел от страха Мурзик.

– Нет-нет, она просто пошутила, – ответил Лёшиков. – Не забывай, что наша Карлуша – поэтесса, а поэты любят всё преувеличивать. Но в нашем случае, думаю, без мышей не обойтись!

– Без мышей? – изумился Мурзик. – А у нас что, их много? Позор на мою кошачью голову! Я думал, только одна Банечка!

– Нет-нет, не волнуйся, – торопливо возразил Лёшик. – У нас только одна Банечка. А в соседнем доме обитает её многочисленная родня. Их-то мы сейчас и позовём!

– Ну нет, это уж слишком, – насутился кот, – мыши будут лечить кота?! Увольте меня от таких помощников! Меня засмеют соседские коты... А что подумает Муса?

– Кстати, эти мыши живут как раз в доме кошки Муси, – заметил человек. – И никто не станет смеяться, успокойся! Мы никому не скажем!

– В доме Муси?.. – задумался кот. – Я всегда знал, что она – доброе создание и, как и я, не ест мышатину. Если это её мыши, то тут надо подумать. К тому же, если вы и вправду никому не скажете...

– Конечно, никому ни карра... вернее, ни слова, – поддакнула Карлуша. – Я даже на эту тему уже песню сочинила. Послушайте! – и ворона, привстав на цыпочки, громко прокаркала: – «Наш Мурзик лапку повредил, а Лёшик всех мышей созвал. Долго кот – кар-кар – мудрил, а потом вдруг добрым стал!» И ещё припев: Кар-кар-кар...

– Хватит! – перебил певчую птицу Мурзик. – У меня сейчас уши в трубочку свернутся и лапа отвалится! С такими песнями нас не то что соседские коты услышат, а весь город!

– Какой ты вредный! Строчку, где ты стал добрым, беру назад, – обиделась Карлуша и демонстративно отвернулась от кота.

Но Мурзика это мало интересовало, потому что Лёшик уже побежал в соседний дом созывать мышей. Свернувшись в комок, кот стал ждать, сердито повилая облезлым хвостом. Долго ждать не пришлось – уже минут через десять в углу появилось несколько мышек, среди которых была и Банечка, затем в комнату вернулся и сам Лёшиков. Вид маленьких грызунов вывел Мурзика из себя, и он, пожалев, что согласился на эту авантюру, с мольбою обратился к Лёшику:

– Может, всё-таки не будем их просить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.